

Вся съемочная группа «Города, который ждет тебя» без лишних слов усердно нагоняла график «школьного» блока сцен.

Обычно в те дни, когда режиссер Фу Сичжи уезжал на площадку группы «Б», у руля группы «А» все шло куда спокойнее. Е Юмин, к примеру, даже умудрялась выкраивать время для личных съемок, пусть даже брендам и гляцевым изданиям приходилось подстраиваться под ее расписание и самим приезжать в Город В.

А вот исполнитель главной роли Чжун Цин демонстрировал такое рвение, что ни у кого на площадке не оставалось сомнений: его решение сменить амплуа — шаг предельно серьезный.

В последний раз на публике он появлялся еще на торжественной церемонии запуска проекта.

Все это время он буквально безвылазно жил на съемочной площадке, не позволяя себе отлучиться даже на полдня.

Янь Суй не слишком вникал в расписание группы «А» и уж тем более не расспрашивал о нем окружающих. И все же, когда Чжун Цин собственной персоной явился на съемочную площадку группы «Б», волнение Цзян Яо волей-неволей передалось и ему.

— Ты сейчас освободишься, а мне еще играть сцену с учителем Чжуном, — вздохнула девушка.

Сколько бы они ни пересекались по работе, Цзян Яо всякий раз робела перед ним. И дело было вовсе не в страхе оказаться в тени его мастерства — тут иллюзий никто не питал, превосходство Чжун Цина казалось чем-то само собой разумеющимся. Девушка до дрожи боялась другого: ее навыков, вполне пригодных для легких романтических дорам, могло попросту не хватить для серьезной жизненной драмы. Она переживала, что сдержит его потенциал, загубит сцену, которая при должном исполнении могла бы стать гвоздем всей картины.

Впрочем, Янь Суй ее опасений не разделял.

— Не выдумывай, все пройдет отлично, — мягко и искренне подбодрил он партнершу.

Цзян Яо действительно хорошо справлялась со своими задачами — ей просто не хватало опыта в действительно сильных проектах. Что же касается Чжун Цина, он никогда не принадлежал к сорту тщеславных актеров, способных нагло подавлять партнеров по кадру и разрушать общую гармонию сцены ради того, чтобы выгодно выделиться на чужом фоне.

К восьми часам вечера, после двух прогонов мизансцены с массовой, все было готово. Оборудование настроили, службы замерли на местах, и по команде режиссера началась напряженная, выверенная до секунды съемка.

Заметив подошедшего Чжун Цина, Фу Сичжи молча протянул ему сигарету. Закуривать никто не стал — они просто замерли плечом к плечу перед режиссерским монитором.

— Погода сегодня сказочная, — негромко заметил режиссер. — Такой пейзаж упустить было бы просто преступлением.

Чжун Цин молча кивнул, устремив взгляд на экран.

На заре своей карьеры, едва окончив институт, Фу Сичжи снимал документальные ленты для государственного телевидения. Затем, после реформы вещания, ушел на киностудию, а пережив череду взлетов и падений длиной в семь лет, обосновался на телевидении. Раскрывать характеры персонажей было его бесспорным талантом, а ловить красоту кадра — врожденным инстинктом.

В его объективе стремительные силуэты подростков вдыхали жизнь в девственно-белое полотно заснеженного двора. И посреди этого пестрого, бурлящего движения один план выделялся особо — он словно сиял изнутри, выхваченный невидимым софитом. Юноша и девушка, обычные школьники, под его взглядом обретали особое, поэтическое очарование.

Изначально этот ракурс не принадлежал какому-то конкретному наблюдателю. Но сейчас режиссеру хотелось, чтобы зритель увидел сцену глазами безответно влюбленной в Не Яна одноклассницы — той, в чьей душе искреннее восхищение уже мешалось с горькой, удушливой обидой. Именно эта обида, затмившая некогда нежные чувства, заставит ее совершить безумный поступок — разрушить хрупкое счастье Не Яна и Чжуан И.

На раскадровке следующий эпизод резко переносил действие в кабинет завуча. Дежурный учитель застаёт влюбленных во время тайного свидания и без тени жалости вызывает в школу родителей. В коридоре у двери толпятся любопытные школьники, жаждущие зрелищ. А внутри кабинета камера на миг задерживается на подоконнике, где чахнет увядающий комнатный цветок — безмолвный символ обреченности их юной любви.

О том, какое наказание понесли подростки, зритель так и не узнает — режиссер предпочел многозначительную паузу, показав лишь опустевшую спортивную площадку. Много лет назад Чжуан Юй точно так же стоял у окна, провожая взглядом заметаемые снегом следы на некогда зеленой траве.

После того случая Не Ян долго не появлялся на занятиях. Юноша словно пытался избежать лишних толков, но его отсутствие лишь порождало новые слухи. Коридоры наполнились шепотками: кто-то уверял, что Не Ян уехал в зимний лагерь, кто-то божился, будто видел его на краевых соревнованиях, а кто-то болтал, что парень просто целыми днями гуляет с собакой у озера и недавно подобрал бездомного котенка.

— А как же Чжуан И? — нет-нет да и спрашивал кто-нибудь.

Еще в десятом классе на уроках литературы они проходили древние стихи: «Если дева в любовь погрузилась, её уже не спасти».

После того как ее старший брат примчался разбираться в школу, Чжуан И замкнулась в себе и увяла. Говорили, выпускные экзамены она все-таки сдала блестяще, но в ее жизни больше никогда не появлялся юноша, способный озарить ее юность столь ослепительным светом, как это сделал Не Ян.

Удивительное сходство судеб — и какая разная плата за любовь...

К тому моменту, как снегопад утих, из-за туч наконец выглянуло солнце. Окоченевший от пронизывающего холода Янь Суй отыграл пять дублей кряду, прежде чем строгий Фу Сичжи наконец милостиво кивнул, завершая сцену.

Собственного ассистента у юноши не было, поэтому, покинув кадр, он сам побрел к скамейке за своим термосом. Стоило ему открутить крышку, как к нему подошла круглолицая сотрудница съемочной группы.

— Держи, Яньсуй-эр, — улыбнулась она, протягивая сверток.

Парень опустил взгляд — на ладони лежали две химические грелки.

— Спасибо большое.

Подушечки уже начали ощутимо согревать пальцы. Юноша ласково улыбнулся девушке в ответ.

— Это учитель Чжун просил передать, — пояснила она.

Янь Суй невольно отыскал глазами Чжун Цина. Тот стоял неподалеку и негромко переговаривался с режиссером. На нем было строгое классическое пальто из черной шерсти, а из аксессуаров — лишь небрежно брошенный на плечи дымчато-серый шарф.

Чжун Цин держал в пальцах сигарету с какой-то ленивой, изящной небрежностью, а левой рукой опирался на стойку монитора. На экране как раз прокручивался последний дубль с участием Янь Суя.

За годы оглушительной славы Чжун Цин давно привык находиться под прицелом сотен глаз и умел не обращать на это внимания. Однако сейчас он, будто почувствовав чужой взгляд, обернулся и своими глубокими, невероятно пронизательными глазами поймал Янь Суя с поличным, застукав его за разглядыванием чужих рук.

Тот мгновенно смутился — ощущение было такое, словно он только что обжег язык крутым кипятком и теперь не знал, сглотнуть его или выплюнуть. Янь Суй уже собирался отвернуться, как вдруг заметил, что Чжун Цин слегка приподнял бровь и едва уловимым движением спрятал сигарету в ладонь.

"Я помню, что на площадке курить нельзя"

Обед накрыли прямо в школьной столовой. Еду привезли с собой, но ради приличия съемочная группа все же устроила шуточный ритуал подношения местным духам очага.

Гуань Нин, верный своей жесткой диете, к рису даже не прикоснулся. Зато сидевший напротив Янь Суй уплетал углеводы за обе щеки, совершенно не заботясь о калориях.

— Перед началом съемок я только и думал: «Если облажаюсь, режиссер меня сразу взашей прогонит?» — уплетая салат, делился переживаниями Гуань Нин. — Потом смотрел на тебя в кадре и думал: «Мать твою, Яньсуй-эр, ты вообще человек или чертов гений?!» Ну а когда пришел мой черед... Ох, теперь я наконец понял, каково это — сниматься у великого Фу Сичжи.

Все его дубли прошли на удивление гладко, и лишь раз он допустил оговорку, запнувшись на длинной реплике.

— Ощущения — будто впервые прокатился на американских горках и сразу же подсел на этот адреналин! Это невероятный кайф! В жизни не пробовал ничего круче! Жаль только, что места в этой кабинке ограничены. Когда мне теперь выпадет такой шанс?

Расправившись с салатными листьями и сухой куриной грудкой, он с нескрываемой завистью уставился в тарелку друга.

— Сцен осталось совсем немного, — с грустью в голосе добавил Гуань Нин. — Снимем одну — и на одну станет меньше. Как же не хочется уезжать!

Янь Суй на секунду замер, затем согласно кивнул:

— Да. Время летит слишком быстро.

Впрочем, его собственный путь в этом проекте только начинался.

Закончив обедать, Гуань Нин загорелся идеей записать несколько кадров для своего будущего влога. Поскольку Янь Суй пока был свободен, он охотно согласился составить приятелю компанию. По дороге им встретились Цзян Яо со своей ассистенткой. Обе бежали так целеустремленно и быстро, будто спасались от стаи бродячих собак. Заметив Янь Суя, они лишь на ходу бросили короткое приветствие и тут же скрылись за поворотом.

— Что это с ними? — удивленно приподнял бровь Гуань Нин.

Янь Суй лишь покачал головой. Обычно Цзян Яо вела себя куда более сдержанно.

Закончив съемку ролика, Гуань Нин попрощался — его смена на сегодня была окончена. Янь Суй проводил товарища до ворот школы и решил заглянуть в гримерку, чтобы немного вздремнуть перед вечерними сценами.

Проходя мимо служебной парковки, он случайно заметил Ци Юйлина. Тот как раз выбирался из своего минивэна в обнимку с какой-то симпатичной девицей. Лица у обоих покраснелись, они бесстыдно прижимались друг к другу и о чем-то весело ворковали, направляясь к выходу.

В этот же миг Янь Суй отреагировал мгновенно и чисто на рефлексх скользнул за ближайший информационный стенд. Ему меньше всего хотелось попадаться им на глаза и ставить всех в неловкое положение. Лишь когда парочка села в подъехавшее такси и скрылась из виду, он осторожно выбрался из своего укрытия.

Одно дело — слушать сплетни Цзян Яо о том, что Ци Юйлин шагу ступить не может без женщин и ведет крайне разгульный образ жизни, и совсем другое — увидеть воочию, как этот парень притаскивает любовницу прямо на съемочную площадку. Зрелище озабоченного кобеля произвело на неискушенного Янь Суя неизгладимое впечатление. С этой неожиданной пищей для ума девственно чистый в амурных делах юноша и вернулся в гримерную.

Цзян Яо как раз со злостью заблокировала экран телефона — судя по всему, только что проиграла раунд в мобильной игре. Заметив вошедшего, она удивленно хмыкнула:

— Ого, а чего это у тебя такой ошарашенный вид? Что стряслось?

Янь Суй достал из декоративной подушки-лисы мягкий плед и, мысленно подбирая приличные слова, коротко выдохнул:

— Да так... Ци Юйлина встретил.

— А-а, — протянула Цзян Яо. — Тоже его застучал?

На ее лице отразилось искреннее брезгливое презрение. Бросив беглый взгляд на часы в углу экрана, она ядовито усмехнулась:

— Десять минут на все про все. Смех да и только.

Янь Суй опустил спинку кресла и уютно укутался в плед.

"Какие еще десять минут?"

— Что ты имеешь в виду? — не понял он.

Цзян Яо лишь тяжело вздохнула. Решив не тратить слова на обсуждение этого озабоченного кобеля, она шутливо потянулась к Янь Сую и легонько ущипнула его за щеку.

— Ох, Яньсуй-эр, — с теплой усмешкой протянула она, — какой же ты все-таки у нас чистый и наивный ребенок. Настоящий прилежный студент!

<http://bllate.org/book/18281/1750469>